

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Императорское Православное Палестинское Общество

**ПАЛЕСТИНСКИЙ
СБОРНИК**

**ВЫПУСК
32 (95)**

Санкт-Петербург
Издательство "Прас-Атра"
1993

/Paris/, Wiederherstellungen in den Berliner Kephalaia, S. 235—239; L. Koener /Ann Arbor/, Wie dualistisch ist Manis Dualismus? S. 241—257; W. B. Oerter /Prag/, Die Vorzüge der manichäisch-n Religion. Betrachtungen zu Kephalaia cap. 154, S. 259 270).

А. Л. Хосроев

Jacqueline Lafontaine-Dosogne. Textiles coptes des Musées Royaux d'art et d'histoire. Bruxelles, 1988, 132 p., 109 ill., 42 fig.

Королевский музей искусства и истории в Брюсселе — обладатель старейшей в мире коллекции коптских тканей (первые памятники попали сюда в 1887 г.). На сегодняшний день в нем насчитывается 500 образцов тканой продукции, происходящей из Египта. Значительная часть их подарена музею Изабеллой Эррерой, которая еще в 1916 году опубликовала первый каталог музейного собрания (это издание во многих отношениях до сих пор можно считать образцом полиграфического искусства, к тому же здесь воспроизведены все ткани). За прошедшие с момента издания каталога Эрреры более семидесяти лет произошли перемены в жизни музея: изменилась его структура, пополнились коллекции, налажена научная реставрация памятников и т. п.

Изменения, коснувшиеся коптских тканей брюссельского собрания, нашли отражение в рецензированной новой книге известного специалиста по искусству средневековья, хранителя отдела искусства Востока этого музея Жаклинь Лафонтен-Дозонь.

Книга состоит из четырех частей. Три из них написаны Лафонтен-Дозонь, последняя, четвертая, касающаяся чисто технических вопросов ткачества, — Даниэлем де Йонге. Первая часть включает Вступление, разделы, в которых затронуты вопросы датировки и происхождения вещей, типологии, иконографии, стилия, приводятся сведения о материалах и технике ткачества (с. 5—8). Вторая часть посвящена непосредственно музейной коллекции, в ней рассматриваются: типология тканей, светские сюжеты, христианская иконография, шерстяные и шелковые ткани (с. 9—21). В третьей части затрагиваются глубоко технические аспекты: техника прядения и ткачества, вышивки, вязание, изготовление тунник и проч. (с. 22—33; ее автор — де Йонге). В особую часть/раздел выделена избранная библиография, включающая 37 названий (с. 34—35). В книге одна карта Египта и 55 черно-белых воспроизведений наиболее характерных образцов коптского ткачества. Большая часть иллюстрированных вещей фигурировала в каталоге 1916 года, но добавлены и наиболее интересные из вновь поступивших тканей: №№ 33, 34, 35, 45, 58, 59, 67, 69.

Очень детально разработана часть, принадлежащая де Йонге, сопровождаемая четырьмя десятками рисунков и тремя макровоспроизведениями деталей отдельных фрагментов (фото 107—109).

Общий научный уровень книги Лафонтен-Дозонь высок. Его естественно пересмотрены и, в соответствии с новыми данными, откорректированы даты большинства тканей, представленных в каталоге Эрреры. С большинством новых датировок мы согласны, в первую очередь это относится к шелкам (№№ 84—90), все чаще относимых к VII—VIII вв., и к такой продукции, как плетеные коλλαки на голову (№№ 41, 42), которые Лафонтен-Дозонь считает памятниками V—VI вв., что, кстати, подтверждается и более конкретно датированными находками из Антиноя, опубликованными Л. Дель Франчия (Loretta Del Francia. Tissus coptes d'Antinoe à Florence. — Rivista degli studi orientali, vol. LVIII, fasc. I—IV (1984). Rom, 1987, p. 55—83).

Пользуясь случаем, выскажем некоторые свои соображения о некоторых памятниках, представленных в книге Лафонтен-Дозонь.

№ 39 — фрагмент тунники с клавом и медальоном следует развернуть на 45 градусов вправо. № 46 — «медальон с людьми и животными»: представленные на нем две обнаженные человеческие фигурки — рыбаки; мотив рыбной ловли популярен в ткачестве, повторяя распространенные в египетском искусстве изображения. Эти изображения можно связывать с осиринскими или дионисийскими мистериями, с обрядом священно-рыбной ловли, а в христианскую эпоху они, вероятно, имели известное отношение к евангельским притчам о рыбаках. № 72 — «медальон с бюстом Христа изображены еще и четыре павлины — символы бессмертия еще в языческом мире, у христиан олицетворявшие Рай и символизировавшие бессмертие души. № 73 — тканая полоса с девятью человеческими фигурами с нимбами. Лафонтен-Дозонь видит здесь сцену «Крещение». Однако здесь слишком много действующих лиц, к тому же четвертая справа фигура в крестчатом нимбе (Христос?) протягивает руки к центральной фигуре, меньшей по размерам остальных. № 4 — полоса с двумя медальонами с одинаковыми изображениями, определяемыми Лафонтен-Дозонь как «Благовещение»; скорее здесь представлена встреча Марии с Елизаветой. № 76 — медальон с человеческими фигурами; автор полагает, что здесь вытканы эпизоды истории патриарха Иосифа (самого распространеного в коптском ткачестве библейского мотива — в мировых собраниях, по нашим подсчетам, насчитывается более пятидесяти памятников с иллюстрациями истории Иосифа), но это ошибка. № 77 — «медальон с Давидом»; сюжет можно конкретизировать точнее — «Давид с посланником своего отца Иессея»; памятников коптского ткачества с этой сценой насчитывается около десятка. № 78 — часть тунники с клавом и медальоном. В вытканной в медальоне сцене Лафонтен-Дозонь видит возможность предположить «Жертвоприношение Исаака»; однако вызывает удивление, что здесь четыре персонажа, главный из которых представлен в воинском облачении, двое других полуобнажены. № 81 — «медальон с двумя святыми всадниками»; можно было бы отметить, что это фрагмент ткани с эпизодами исто-

рин Давида (подобных образцов насчитывается в мировых коллекциях около двух десятков). № 100 — медальон с исполненной вышивкой сценой, которую Лафонтен-Дозонь определяет как часть «Поклонения волхвов»; нам кажется, умстнее видеть здесь богоматерь с младенцем Христом, сидящую на троне, и стоящего рядом ангела (видны нимб и два крыла).

Касаясь значительной в количественном отношении группы шелковых тканей, известных в литературе как группа «Захария» и группа «Иосифа» (по вытканым на некоторых из них именам ткачей-владельцев мастерских), Лафонтен-Дозонь (с. 19) отмечает, что надписи эти коптские, в то время, как большинство специалистов считает их греческими.

Но отмеченные просчеты не снижают ни научной, ни познавательной ценности рецензируемой книги. Публикация новых материалов, их аргументированная классификация и обоснованная датировка придают ей непреходящее значение.

Peter BICHLER. Antike Koptische Textilien aus Osterreichischem Privatbesitz. Schallaburg, 1989, 86 S., 91 n^on, Abb., 11 Tab.

В последние годы в ряде европейских стран становится доброй традицией устраивать художественные выставки в небольших городках. Как правило, к таким выставкам выпускаются каталоги, проспекты, плакаты, сувениры. К числу таких выставок следует отнести устроенную в австрийском городке Шальбурге с 9 июня по 15 октября 1929 г. экспозицию «Древние коптские ткани из австрийских частных собраний». (Этому городу везет — в конце 1986 г. здесь демонстрировалась интересная выставка «Византийские мозаики из Иордании»). Организаторами выставки выступили: Австрийская комиссия ЮНЕСКО и Культурный отдел Северо-австрийских земель; научная разработка материала принадлежит Петеру Бихлеру. Это новое имя в коптологии. Основную информацию по истории, культуре, искусству коптов автор почерпнул из монографии по коптскому искусству доктора Арне Эффенберга из музея им. В. Болд в Берлине, изданной в 1975 г. в Лейпциге и переизданной в 1976 г. в Вене.

Построение книги Бихлера традиционно для такого рода изданий. В начале приводятся исторические сведения о коптском Египте (с. 7—8), затем излагаются основные данные о коптском качестве и своеобразии коптского стиля (с. 9—10), особенностях рабочего места и продукции ткачей (с. 11—12), материалах, инструментах, технике текстильного производства (с. 14—16). Интересны сведения о собирателях коптских тканей и местах хранения их коллекций (с. 16—17; в их числе фигурирует и В. Г. Кок, кому во многом обязаны Эрмитаж и ГМИИ им. А. С. Пушкина отличному подбором тканой продукции из Египта). Потом следуют: объяснения к каталогу, раскрывающие принципы датировки вещей, распределения их по группам и т. п. (с. 17—18). На с. 18 указана использованная литература —

24 названия. Собственно каталог занимает с. 19—86.

Первую работу Бихлера о коптских тканях следует в целом признать удачной. Она вызовет несомненный интерес хотя бы уже потому, что представляющий в ней вещевой материал абсолютно не знаком широкому зрителю и далеко не весь известен специалистам. Нельзя оставить без внимания и тот факт, что больше половины памятников (51 номер) с большей или меньшей степенью уверенности связано с конкретными центрами производства (Ахмин — 24 ткани, Антиноя — 21, Гермеполь — 3 и т. п.).

Ни один из авторов не застрахован от ошибок. Не избежал просчетов и Бихлер. Отметим основные из них. Прежде всего, на наш взгляд, неудачно название книги «Древние коптские ткани». К тканой продукции, происходящей из христианских захоронений Египта и получившей условное название «коптские ткани», относятся памятники IV—XII вв. Большинство вещей, фигурирующих в книге, сравнительно позднего периода — VIII—XI вв., — когда в долине Нила господствовали арабы и когда собственно коптский стиль заметно перерождался, приобретая черты число исламского искусства.

Не можем мы согласиться и с предлагаемыми автором для некоторых памятников датами: № 3 (с. 19—20) следовало бы отнести не к VI в., а к VII—VIII вв., № 13 (с. 26—27) — не IV в., а V в.; № 30 (с. 38—39) — не около V в., а уверенно VI в.; № 31 с. 39—40) — вместо V—VI вв. VI—VII вв.; № 34 (с. 42—43) — «примерно X в.», скорее все же VIII—IX вв.; № 38 (с. 46—47) не V в., а VI—VII вв.; № 48 (с. 53) — «не позже IX в.», а VII—VIII вв.; № 51 (с. 55) — не VIII (?) в., а, по-видимому, VI в.; № 69 (с. 66—67) — не «около IV в.», а VI в.; № 77 (с. 75) — не VI—VII вв., а на два столетия позже. Почему-то не указана дата № 86 (с. 81), нам он представляется памятником VIII—IX вв.

В целом представленные в книге памятники — обычная тканая продукция, служившая одежде, завесами, саванами. Но есть несколько и неординарных образцов. К их числу можно отнести и вставку-медальон под № 20 (шв. табл. 8; с. 31—32). Большая стилизация и почти не удаваемая логика в построении композиции затрудняют определение многофигурной сцены, но предположение Бихлера о том, что она представляет библейский сюжет, ошибочно: четверо мужских фигур полубогажены (у троих из них через шею переброшены плащи), нимбы вокруг голов вовсе не обязательно указывают на святость персонажей, а лишь свидетельствуют о их статусе героев. Да и дата, предлагаемая автором для этого памятника — VII в., по-видимому, требует уточнений. На наш взгляд, памятник создан на одно-два столетия позже.

В заключение несколько уточнений. На с. 17 в числе хранилищ, куда попали ткани, добытые Ф. Петри в Хаваре, значится Галерея искусств Станфорда. Название этого американского города стоит под вопросом. Вопрос надо снять, поскольку ткани хранятся в Галерее при Станфорд-

ском университете (штат Калифорния). Каталог этих тканей в 1969 г. издала Сузан Льюис. В разделе литературы (с. 18) под № 1 указана работа «Коптские ткани музея Бенаки». Следовало бы указать, что автор ее — Лида Марангу и издана она на греческом и английском языках. Под номерами 7 и 14 фигурирует одна и та же работа Пьера дю Бурге — первый том каталога коптских тканей Луврского собрания. Уместно было бы указать, что инициалы таких исследователей, как А. Ф. Кендрика, О. Вульфа и В. Ф. Фольбах.

А. Я. Каковкин

I. Shahid. Byzantium and the arabs in the fifth century. Dumbarton Oaks Research Library and Collection. Washington, D. C., 1989. 592 с. + 7 карт в тексте.

В 1989 году вышло в свет третье, но не последнее по счету, исследование Ирфана Шахида¹ о взаимоотношениях Византии с жителями Аравии. Свою задачу автор определяет как изучение главным образом политических, военных и культурных проблем взаимоотношений Византии с арабскими племенами². Источники — по словам автора — не дают возможности анализировать проблемы социально-экономических связей Империи и жителей Аравии³.

Как и первые две работы И. Шахида, анализируемая книга отличается четкостью. В ней четыре части. Первая — греческие и латинские источники — делится на два подраздела: политическая и военная история, церковная история⁴. Вторая часть — арабские источники — построена несколько иначе. Здесь автор анализирует ту или иную проблему, пытается найти подтверждение своим мыслям в текстах арабских авторов. Третья часть представляет собой краткий обзор материалов, раскрывающих роль арабских племен в защите Империи, четвертая посвящена выводам.

По своим общим установкам и по подходу к материалу данная работа от предыдущих не отличается. Автор анализирует все рассматриваемые тексты очень внимательно, однако, как и ранее, у И. Шахида наблюдается своеобразное смещение акцентов.

Так, на с. 22—25 автор рассматривает два текста Иеронима⁵ об арабских вторжениях на Ближний Восток, которые могут быть поняты как свидетельства о событиях крупного масштаба, затронувших даже области Египта и Африки. С некоторыми оговорками И. Шахид принимает это свидетельство за полностью истинное и считает, что речь идет о племенах Салих. Между тем, здесь следовало бы оставить вопрос, насколько реалистично сообщение Иеронима, что в нем является правдой⁶.

Большое место в книге занимает анализ известной истории Аморкеса, сохранившейся до наших дней в первом фрагменте «Византийской истории» Малха Филадельфийского⁷.

И. Шахид начинает с предположения, что собственное имя вождя — «Аморкес» не обязательно должно соответствовать арабскому Имру

ал-Кайс. Автор предлагает свою альтернативу: «Амр б. Кайс. Само по себе это возражений вызвать не может, однако по существу остается недоказанным стремление автора сделать из Аморкеса отца известного по арабским генеалогиям персонажа «Абд ал-Масиха»⁸. / «Абд ал-Масих, согласно генеалогиям, является сыном «Амра б. Кайса». Тем самым И. Шахид превращает Аморкеса в гассанида.

Если все эти построения в той или иной мере остаются все же на почве реальности, то несколько ниже, при рассмотрении этнонима Аморкеса, автор — как нам кажется — далеко уходит за пределы возможного.

Как известно, Аморкес характеризуется Малхом: τῶν Νοκαλίου γενεῶν / вариант: Νοκαλίου⁹. И. Шахид считает возможным говорить о том, что слово Νοκαλίου полностью соответствует названию того племени, из которого происходит «Абд ал-Масих. Навание это автор транскрибирует как Вукайла (Bukaila/Buqayla). Переход же арабского «б» в греческое «н» И. Шахид объясняет тем, что в арабском «б» и «н» различаются только местом дактирической точки. Это, по мысли автора, и дает основания полагать, что в процессе передачи этнонима могла возникнуть такая ошибка.

Если следовать логике И. Шахида, то придется допустить, что Малх Филадельфийский почерпнул сведения от информаторов, владеющих и греческим, и арабским, видевших своими глазами тот или иной арабский текст с генеалогическим древом Аморкеса. Спутать далекие на слух «б» и «н» практически невозможно, поэтому отмеченная автором возможность трансформации арабского «б» в греческое «н», если и могла реализоваться, то только в письменной передаче. В любом случае эта цепь предположений ведет к совершенно неправдоподобной ситуации¹⁰. У нас нет ни одного примера, позволяющего говорить о каком бы то ни было интересе византийских греков к генеалогиям арабов¹¹.

Не менее парадоксальные оценки можно встретить у И. Шахида по поводу последующих событий истории Аморкеса. Автор подробно описывает пребывание Аморкеса в Константинополе и его переговоры с императором Львом /с. 71—91/. подробно разбирает арабскую политику императора Льва /с. 96—99, отчасти — 100—106/. Не совсем понятно, однако, насколько вообще можно говорить об особой арабской политике императора Льва в тех условиях, когда у него практически не было свободы выбора и выгода иметь более или менее верного союзника перевешивала неудобства от союза с ним¹².

Неправомерно, на наш взгляд, интерпретацию приобретают у И. Шахида сведения источников, сообщающих об обстоятельствах, при которых владения Аморкеса — и прежде всего остров Иотаба — были возвращены под власть Империи. Об этом, как известно, сообщает Феофан Исповедник¹³.

Описывая 498 год, хронист сообщает о трех военных операциях против арабских племен: о войне стратига Евгения в Сирии; о войне дук-